

Необычайная мягкость

Человек, заговоривший с ними, обладал внешностью мрачной и отталкивающей: выступающие скулы, узкие, хищно прищуренные глаза.

То был принц Гун, Фу Цюань.

Фу Жан поспешно всучил сверток с ласточкиными гнездами и линчжи Хань Миню и уже собрался было вступить в спор:

— Четвертый старший брат...

Однако Хань Минь, крепко прижимая к себе подношения, незаметно коснулся ногой щиколотки пятого принца, мягко преграждая ему путь и задвигая за свою спину.

Покойный император не отличался многодетностью.

Наследный принц Фу Линь скончался три года назад, второй принц умер во младенчестве. Фу Сюнь был третьим по старшинству, а за ним следовали принц Гун — Фу Цюань — и пятый принц, Фу Жан. Было еще несколько младших сыновей, но те пребывали в совсем нежном возрасте.

Несколько десятилетий назад дедушка Хань служил простым переписчиком в Историческом архиве. Положив полжизни на создание труда «Доклад о мире и порядке», старик отчаялся найти способ представить его престолу и, набравшись невыносимой дерзости, преградил путь императорскому выезду государя Дэцзуна.

В тот день он получил должность тайшилина, и с этого момента началось возвышение их рода. И на приемах, и в личных беседах государь Дэцзун часто повторял, что историограф Хань — истинный глава всех книжников Поднебесной.

Когда Хань Минь был ребенком, дедушка, отправляясь во дворец на беседу с императором, часто брал внука с собой.

Там, у дворцовых стен, где пламенели цветы граната, трое императорских внуков, почти ровесников, любили запускать воздушных змеев.

Фу Сюнь обычно стоял, прислонившись к стене, и повелительно указывал Фу Жану, как лучше поднять змея в воздух. Младший брат, весело смеясь, носился по аллеям со змеем в руках.

Четвертый же внук, Фу Цюань, не любил их компанию. Скрестив руки на груди, он всегда держался поодаль.

Именно тогда Хань Минь впервые увидел его.

Система подсказала:

[Это четвертый принц, рожденный госпожой Чжан. После ее кончины от болезни его воспитывала госпожа Сянь]

Минь прежде встречал наложницу Сянь — особа она была тяжелая и заносчивая. Можно было догадаться, что жилось ребенку несладко, оттого он и вырос таким нелюдимым.

Тогда юный Хань Минь подошел к нему и, достав из вышитого кошелька сушеную сливу, протянул Фу Цюаню:

— На, съешь.

Поначалу их отношения складывались неплохо, пока не наступил тот памятный пир в честь середины осени.

Десятилетнего Хань Миня тогда уговорили выпить пару чарок фруктового вина, и он выскользнул из зала, чтобы освежиться на ночном воздухе.

Присев на террасе, мальчик вдруг заметил впереди мертвецки пьяного Фу Сюня. Какие-то незнакомцы вели его под руки в неизвестном направлении.

Минь преградил им путь, намереваясь забрать приятеля, но в этот момент в главном зале поднялся невообразимый шум.

Он тайком прокрался к дверям и заглянул внутрь: оказалось, что в вино Фу Цюаня был подмешан яд, который по ошибке выпил его юный чтец-сопровождающий.

Государь Дэцзун был в ярости и уже приказал страже начать дознание. Маленький евнух принца Гуна «случайно» проговорился, что несколько дней назад Фу Сюнь и Фу Цюань крупно повздорили.

Император, восседая на троне, гневно воскликнул:

— Где Сюнь? Приведите его ко мне!

Хань Минь знал Третьего принца с малых лет. Тот, если и таил обиду, предпочитал разбить обидчику нос лично, а не действовать исподтишка. Травить кого-то было не в его правилах; скорее, его самого пытались подставить.

Юноша мгновенно сообразил, что те люди, уводившие пьяного принца, были частью ловушки.

Он бросился обратно, с силой столкнул Фу Сюня в озеро, а затем и сам прыгнул следом.

Фу Сюнь, глотнув воды, мгновенно протрезвел. Он уже готов был разразиться гневом, но, увидев Миня, неловко отвел взгляд:

— Что случилось?

Тот похлопал его по щеке и совершенно серьезно произнес:

— Тебя едва не погубили. Будь впредь хоть немного осмотрительнее.

Два промокших до нитки подростка рука об руку вернулись в зал. Третий принц, как и научил его Хань Минь, доложил, что захмелел, оступился и упал в воду, а Минь бросился его спасать.

Подозрения были сняты.

Поздним вечером, когда они покидали дворец, Фу Цюань поравнялся с Хань Минем у берега озера и, скрежеща зубами, прошипел:

— Ты просто неисправимый добряк.

Он понял, что Минь разрушил его идеальный замысел.

Прежде чем юноша успел что-то ответить, внезапно появившийся Фу Сюнь утянул его за собой.

— Не возвращайся сегодня домой. Пятый брат и Вэй Гуй соберутся у меня, будем играть в любо.

Крепко сжимая руку Хань Миня, тот мельком глянул на Фу Цюаня — рука четвертого брата замерла в воздухе, словно он только что собирался столкнуть Хань Миня в воду.

Уже в своих покоях Фу Сюнь «внезапно вспомнил»:

— Пятый и Вэй Гуй сказали, что не придут. Будем только мы вдвоем.

Они уселись на кан за доску для любо.

Сюнь вдруг спросил:

— Зачем ты спас меня? Ты ведь меня терпеть не можешь?

Хань Минь подпер голову рукой и, вертя в пальцах игровую кость, лениво фыркнул:

— Недолюбливать — это одно. Но позволять всяким проходимцам плести против тебя заговоры — совсем другое.

Свет свечи колебался, и в этом неверном сиянии черты лица Хань Миня казались необычайно мягкими.

После того случая Фу Сюню опостылели дворцовые интриги. Желая поскорее обрести истинную силу, он отправился на западные рубежи командовать армией.

А Фу Цюань затаил на Миня смертную обиду, и с тех пор их пути окончательно разошлись.

Теперь же, на аллее дворца, Фу Цюань стал старше, и его речи, как и методы, утратили былую юношескую неуклюжесть.

Хань Минь, заслоня собой Фу Жана, отвесил неглубокий поклон:

— Принц Гун.

Тот холодно усмехнулся:

— А господин Хань, я гляжу, всё так же вездесущ.

Минь лишь улыбнулся в ответ, храня молчание. Тот, потирая висящую на поясе подвеску из белого нефрита, продолжил:

— Даже находясь в Тунчжоу, умудрился подать на меня жалобу... И не вздумай отпираться. Твой слог я узнаю из тысячи. Вэнь Яню ни за что не написать подобного — слишком уж это язвительно, тонко и беспощадно.

Хань Минь опустил взор и бесстрастно произнес:

— Не достоин такой похвалы.

Принц Гун стиснул зубы:

— Знай я, как всё обернется, еще два года назад, когда ваш род пал, следовало забрать тебя в резиденцию принца Гуна и сделать мелким евнухом.

Лицо Хань Миня оставалось безмятежным:

— Вы были весьма близки к этому.

— Это верно, — Фу Цюань перевел взгляд на Фу Жана. — Тогда государь и пятый брат оба обивали пороги у императора, выпрашивая тебя себе. Я тоже подал прошение. Жаль, не хватило самой малости.

Неподалеку от зала Фэнцянъ возвышалась пагода.

Фу Сюнь только что вернулся после бдения у гроба; он всё еще был в траурном облачении — тяжелом и непривычно грубом.

Стоя на верхней площадке, он наблюдал за происходящим внизу. Обернувшись к сопровождавшему его Вэй Хуаню, император коротко бросил:

— Лук и стрелы.

Молодой господин Вэй опешил:

— Что Ваше Величество желает?

Фу Сюнь повторил, чеканя слова:

— Лук и стрелы.

Дрожащими руками гвардеец снял со стены длинный лук и колчан. Юноша едва не пал на колени, моля государя не совершать опрометчивых поступков.

Фу Сюнь вскинул лук и положил стрелу на тетиву.

Взор его, острый, как у сокола, был прикован к Фу Цюаню, стоявшему на аллее.

А внизу принц Гун бросил вскользь:

— Евнух — это ведь просто игрушка. Впрочем, даже не став им, разве сейчас ты не такая же... императорская забава?

Услышав слово «игрушка», стоящий за спиной Миня Сяо Цзицзы помрачнел.

Как раз в этот момент из дверей зала вышел даос. Помощник решительно шагнул вперед и вполголоса перебросился с ним парой фраз.

Затем он поклонился:

— Ваше Высочество, достопочтенный наставник просит обоих принцев пройти к гробу покойного государя для сожжения поминальных знамен.

Фу Цюань холодно хмыкнул и, резко развернувшись, направился к залу.

Сяо Цзицзы едва заметно качнул головой Хань Миню, давая понять, что всё в порядке.

Тот уходил, даже не подозревая, что на вершине пагоды острие стрелы пядь за пядью следует за ним, целясь точно между лопаток.

Государь стоял прямо, словно вековая сосна, не опуская оружия, пока враг не скрылся в дверях.

Лишь тогда он вернул лук Вэй Хуаню.

Тот принял оружие и тихо спросил:

— Ваше Величество, не желаете ли позвать господина Ханя сюда?

— Нет нужды.

Фу Сюнь заложил руки за спину, оставаясь на башне.

Там, внизу, едва принцы ушли, Хань Минь остался один под сенью террасы.

Фу Сюнь смотрел на него сверху и невольно улыбнулся. И в этот миг на его лице не осталось и следа той ледяной, мрачной тени, что владела им мгновение назад.

<http://bllate.org/book/15310/1364042>